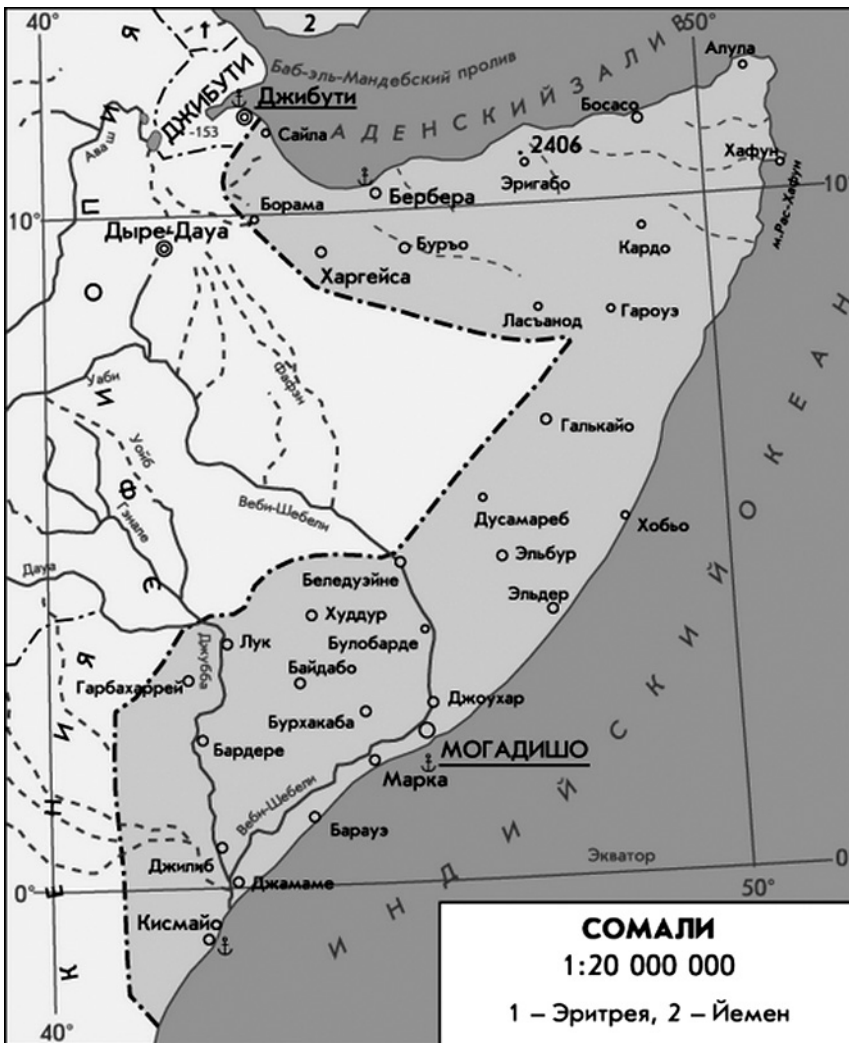

Г.Л. КАПЧИЦ

Кандидат филологических наук

Обозреватель «Голоса России» **Георгий Капчиц** в качестве переводчика и консультанта съемочной группы одной из российских телевизионных компаний в 2009 г. побывал во всех трех частях Сомали - этой некогда единой страны. Встречался с президентами и министрами, рыбаками и пиратами, жителями городов и поселков. Капчиц - автор книг и статей о Сомали. Поэтому, кроме увиденного в этой стране в течение двух недель, он поделится с вами сведениями об образе жизни, культуре и традициях сомалийцев, переживающих сейчас один из самых сложных периодов своей истории.

в кандалы, довелось сидеться через пару дней в тюрьме города Босасо, на севере Пунтленда. Но об этом - ниже. А чтобы лучше понять сложнейшие проблемы в Сомали, сначала надо хотя бы кратко познакомиться с историей страны, с тем, как устроено сомалийское общество и в каких условиях приходится жить людям.

Считается, что Сомали - это и есть легендарная страна Пунт, поставившая миру и ладан ко двору египетских фараонов. В средние века оцутимое влияние на формирование языка, культуры и религии сомалийцев оказали арабы. К концу XIX в. Сомалийский полуостров поделили между собой Франция, Англия и Италия. В 1960 г. британская колония (на севере) и итальянская (на юге) обрели независимость и объединились в Сомалийскую Республику со столицей Могадишо.

В 1969 г. к власти пришел генерал Мохаммед Сиад Барре, провозгласивший курс на построение социализма и установивший тесные отношения с СССР. Следующие восемь лет с ностальгией вспоминают все сомалийцы. Тогда тысячи из них получили образование в нашей стране, а в Сомали с помощью советских специа-

СОМАЛИ: СТРАНА ПОЭТОВ И ПИРАТОВ

Ключевые слова: Сомали, Могадишо, Пунтленд, пираты

О Сомали, занимающей обширную территорию Африканского Рога, до недавнего времени мало кто знал. Скандальную известность принесли ей пираты, захватившие в Аденском заливе Красного моря и в водах Индийского океана не один десяток торговых судов и получивших за их освобождение суммы, сопоставимые с бюджетом любого из трех государственных образований, расположенных на территории полуострова. Это Сомали - на юге, Сомалиленд - на севере и разделившийся между ними Пунтленд.

Именно в Пунтленде находится рыбацкий поселок Эль, с легкой руки мировых СМИ прозванный «штаб-квартирой» сомалийских пиратов.

Я был там в мае 2009 г., видел три плененных судна, но пообщаться с пиратами не смог. На предложение отправиться к ним на катере руководитель группы Владимир Синельников ответил, что у студии не хватит средств, чтобы выкупить всех нас, а возвращаться в Москву без меня и оператора Саши Кублицкого ему бы не хотелось. С морскими разбойниками, правда, закованными

Автор очерка любит верблюдов почти так же, как и сомалийцы.
Фото А. Кублицкого.

листов были построены десятки промышленных предприятий, школ, больниц и объектов инфраструктуры. Тогда и родилось известное каждому сомалийцу при словье «Или русский, или дождь», в котором благо, творимое русскими, приравнялось к дару небес.

Сомали - засушливая страна. Осадки там редки и выпадают, главным образом, с апреля по июнь. Только две реки, протекающие по ее территории, не пересыхают. Это Джуба и Веби Шабелле. На орошаемых ими землях живет оседлая часть населения. Крестьяне выращивают бананы, хлопок, рис и сахарный тростник. Жители морского побережья традиционно занимаются рыболовством. Сейчас этот промысел, как и многое другое в Сомали, в упадке.

Полагают, что большинство сомалийцев по-прежнему являются скотоводами-кочевниками. Одногорбые верблюды (дромадеры) - самая ценная часть их многочисленных стад. Верблюды хорошо переносят жару, по многим дням обходятся без воды и пищи. При смене стоянки на них грузят разборный дом-хижину и скромный скарб сомалийской семьи. Выючат верблюдов женщины, а все работы, связанные с уходом за этими животными (включая доение верблюдиц), выполняют мужчины. Любовь сомалийцев к верблюдам не знает границ. «Верблюд - это верблюд, - говорят они, - и меняют его только на верблюда».

Обычная сомалийская семья - это муж, одна или несколько жен (сомалийцы - мусульмане, а Коран разрешает многоженство) и дети. Несколько близкородственных семей составляют *рер*. Это низшая ступень родоплеменной организации сомалийцев.

Несколько *реров*, восходящих к общему предку, образуют «колono». Несколько «колono» составляют род, несколько родов - племя, во главе которого стоит вожь. Его власть абсолютна. Не зря ведь говорят, что «У прямого вожь племя прямое, а у кривого - кривое».

Судя по тому, что творится в Сомали последние 18 лет, «прямых» вожь в стране не осталось. Высший уровень иерархии - объединение племен (клан). Их четыре - Дир, Дарод, Хавие и Дигиль-Мирифле. Сомалиец точно знает место, занимаемое им в родоплеменной структуре и, рассказывая о себе, сначала называет свое имя, имя отца и деда, а затем сообщает «колono», род, племя и объединение племен, к которым принадлежит.

Племенная рознь, оказавшаяся сильнее общности языка, культуры и религии сомалийцев, разрушила их государственность. Произошло это в 1991 г., когда под ударами кланово ориентированных оппозиционных сил рухнул режим Мохаммеда Сиада Барре. Но «первый звонок» прозвенел в 1977 г. Тогда страна, нарастившая военные мускулы, решила присоединить к себе Огаден - населенный сомалийцами обширный район соседней Эфиопии. Последовало сокрушительное поражение, вину за которое правящие круги Сомали возложили на Советский Союз, не поддержавший военную авантюру. Посольство СССР в Могадишо было разгромлено, советские дипломаты и специалисты выдворены из страны.

До русского слуха слово «Огаден» первым донес поэт Николай Гумилев. В 1913 г. он побывал на Сомалийском полуострове с этнографической экспедицией. Увиденное произвело на него тревожное впечатление. Он писал:

*В целой Африке нету грозней
Сомали,
Безотраднее нет их земли.*

Однако страна, по которой путешествовал Гумилев, была населена не только воинами. Еще в 1854 г. английский востоковед Ричард Бартон заметил, что она «изобилует поэтами». Возможно, Гумилев об этом знал - отдельные

строфы его «Полуострова» написаны с применением аллитерации, лежащей в основе сомалийского стихосложения:

*Столько белых пронзило
во мраке копье
У песчаных колодезь ее,
Чтоб о подвигах их говорил
Огаден
Голосами голодных гиен*.*

Великим поэтом был вожь национально-освободительного движения сомалийцев начала XX в. Саид Мохаммед ина Абдилле Хасан. Англичане прозвали его «Бешеным муллоу» - за несгибаемый боевой дух и неистовое упорство сопротивления. Эти черты характера свойственны многим сомалийцам, прошедшим суровую «школу выживания» на безводных пространствах раскаленных каменистых равнин.

МОГАДИШО. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

До последней поездки я был в Могадишо только один раз - в 1989 г., когда Сомалийская академия наук пригласила меня на Конгресс сомалийских исследований. В самолете (прямым рейсом Москва-Могадишо с посадками в Каире и Дар-эс-Саламе) я увидел двух знакомых африканистов. Они сообщили, что должны были сопровождать директора Института Африки АН СССР Анатолия Громыко (сына тогдашнего министра иностранных дел), но тот в последний момент лететь передумал.

Весть об этом до Могадишо не дошла, и в аэропорт приехали не только все сотрудники советского посольства (к тому времени дипотношения, фактически разорванные в 1977 г., были восстановлены), но и видные представители сомалийского руководства. Узнав о случившемся, они сразу же уехали, но менять программу, сверстанную под высокого гостя, не стали. Поэтому нас поселили в лучшей столичной гостинице «Уруба», а на заседания влизили в правительственном лимузине.

После завершения конгресса президент Мохаммед Сиад Барре устроил прием в честь его участников. Немолодой уже, высокий и грузный, он стоял у дворца на

* Гумилев Н. Собр. соч. в 4 т. Вашингтон, 1964. Т. 2, с. 91-93.

берегу океана. Рядом с ним - генерал Морган, министр безопасности, зять. Безжалостно истреблявший оппозицию. Наводивший на страну ужас. Единственный, кому президент доверял. Ученые ходили, коротко здоровались и отправлялись к накрытым столам. Когда очередь дошла до меня, и я обратился к Сиаду на *сомали*, он улыбнулся и пожал мне руку. Поздоровался я и с Морганом, но ответа не получил. Генерал смотрел куда-то пустыми глазами.

Через полтора года Мохаммед Сиад Барре был свергнут и бежал из страны. Хотел поселиться в соседней Кении, но оппозиция запротестовала, и он уехал. Умер в Лагосе (Нигерия), 2 января 1995 г. О генерале Моргане я почти ничего не знал.

...На этот раз, спустя 20 лет, в Могадишо никого, кроме нас, не ждали, но встреча вышла не менее впечатляющей. Когда измотанные суточным перелетом и щурясь от солнца мы вышли из самолета, нас окружила дюжина угандийских солдат из миротворческого контингента Африканского Союза и доставила к ожидавшим неподалеку пятнистым броневикам. Ощетинившись пулеметами и страшно ревя, они довели нас до лучшей столичной гостиницы. Теперь это была не роскошная «Уруба» (ее развалины мы увидели на другой день), а скромное здание бывшего посольства КНР, в котором поселились члены созданного в феврале 2009 г. федерального правительства.

Большой чести гостям из Москвы сомалийское руководство оказать не могло. Скромные бытовые условия (кондиционер работал только днем, холодная вода была только вечером, а горячей не было никогда) компенсировались надежной охраной и доступностью «нюс-мейкеров». Договориться об интервью с любым министром можно было в коридоре, столовой или во дворе. Не возбранялось и просто постучать к нему в дверь.

Вскоре состоялась встреча с президентом Шарифом Шейхом Ахмедом. Ему 45 лет, по профессии учитель. До избрания на высший государственный пост возглавлял Союз исламских судов и оппозиционные вооруженные формирования, пользовавшиеся поддержкой значительной части населения Сомали. С приходом

Президент Сомали Шариф Шейх Ахмед. Фото А.Кублицкого.

Шарифа Шейха Ахмеда к власти в их рядах произошел раскол. Радикалы примкнули к исламистскому движению Аль Шабаб, контролирующему сегодня многие районы страны.

Сомали - единственное государственное образование на территории бывшей Сомалийской Демократической Республики, признаваемое международным сообществом. Беседу с нами президент начал так:

«Я рад, что вы приехали. Это хороший знак. Надеюсь на восстановление сомалийско-российских отношений. Мы направили президенту России послание с просьбой о встрече и рассчитываем на положительный ответ. Как только он придет, отправимся в Москву. Хотим обсудить с российским руководством наши проблемы. 18 лет гражданской войны сделали свое дело. Не стало государственности, страна распалась. Мало того, появились пираты. Угрожая мореплаванию у берегов Сомали, они вредят, прежде всего, своей стране».

К резиденции президента мы ехали час, притормаживая у КПП и объезжая ленты с шипами. Охрана - восемь как попало одетых солдат и полковник в военной форме - просила стекол не опускать и из машин не высовываться. Солнце было в зените, город был пуст, мертвые дома таращились глазами выбитых окон. Одна из сомалийских пословиц вопрошает: «Что лучше: где голо, но спокойно, или где растет, но опасно для жизни?» Что лучше - не знаю. Знаю, что хуже - где и голо, и опасно для жизни. Например, в Могадишо.

После Могадишо съездная группа отправились в Пунтленд. На шоссе между городами Кардо

и Босасо наш гид, тоже Сиад, протянул мне мобильный телефон. Я услышал: «Привет, Георгий. Это Морган. Хочешь поговорить?» Спустя 20 лет генерал Морган «нашел» меня!

ПИРАТЫ XXI ВЕКА

До 2004 г. в сомалийском языке слова «пират» не было. Не существовало и производного от него «пиратства». Хотя предпосылки для возникновения обозначаемого этим словом явления существовали давно. Это - бескрайнее побережье, омываемое водами Индийского океана (на востоке) и Красного моря (на севере), пролегающие вдоль него оживленные торговые пути (из Персидского залива и стран Азии в Средиземноморье через Суэцкий канал и в Африку), воинственность и опыт мореплавания части оседлого населения. Однако случаев нападений на иностранные суда, по крайней мере, в новейшей сомалийской истории, не было.

Вот и Морган, бывший шеф безопасности, позвонивший, как оказалось, из Кении, сказал, что «при нем» о пиратах в Сомали никто даже не слышал. Я ответил, что удивляться здесь нечему. Диктатура, к становлению и консервации которой генерал Морган приложил немало усилий, является властью без предела. Современное пиратство же - проявление анархии. В Сомали она воцарилась в 1991 году, с крушением режима Мохаммеда Сиада Барре. Однако до захвата первого иностранного судна оставалось еще 13 лет.

Все эти годы в Сомали шла гражданская война. Она имела свою особенность. Воевали не «верхи» и «низы», хотя у сомалийцев есть и те, и другие: *гоб* (скотоводы-кочевники, рыбаки и другие «свободные люди») и *гун* (пользующиеся их покровительством ремесленники из «низших» каст).

Сначала война шла между кланами (объединениями племен), потом - между племенами внутри самих кланов. Истребляли друг друга родственники, веками жившие рядом, говорившие на одном языке и молившиеся одному Богу. Сомалийское традиционное право предписывало за убийство человека отдавать его родственникам сто верблюдов. Но когда пошла война «всех про-

Президент Пунтленда Абдирахман Мохаммед Мохамуд.

тив всех», о своде устных законов пришлось забыть - чтобы «рассчитаться» за пролитую кровь, не хватило бы и 6 миллионов верблюдов, имевшихся в Сомали в те годы. Сбылось предупреждение предков: «Если братья любят друг друга, у них много скота и мало могил, а если ненавидят друг друга, у них мало скота и много могил».

Со временем человеческие ресурсы исчерпали себя (сотни тысяч бежали из страны, десятки тысяч легли в землю), и интенсивность боев стала стихать. Сначала - на северо-западе, где кланы Дир и Дарод образовали Сомалиленд, потом на северо-востоке, где возник Пунтленд, населенный, в основном, племенами клана Дарод. А на юге (в Сомали) война продолжалась, при этом меняя свой цвет - с небесно-голубого (флага Сомали) на ярко-зеленый (знамени ислама). Идет она и сейчас - религиозные фанатики пытаются свергнуть правительство национального единства.

Сомалийцы говорят: «Война - это зло, но на ней мужчины узнают, кто чего стоит». Мужских возрастных групп у них пять. Воевали две - щитоносцы (юноши от 15 до 22 лет) и «чернобородые» - мужчины от 22 до 35 лет. Те, кто выжили и вернулись домой, увидели библейские «мерзость и запустение». Предприятия, построенные с помощью советских друзей, лежали в руинах. Кооперативы, созданные при переводе кочевников на оседлый образ жизни, перестали существовать. Хуже того - прибрежные воды бороздили теперь не кро-

хотные фелюги своих рыбаков, а огромные сейнеры чужих браконьеров. Вскоре, прихватив оружие, боевики «взяли» пару из них. Сгоряча отпустили, забрав рыбу и пригрозив потопить, если явятся снова. Пришли другие, их захватили, но уловом они уже не отделались.

Пираты действуют в Пунтленде, «пригоняя» захваченные корабли в поселок Эйль (на берегу Индийского океана), в город Ласкорей (в Аденском заливе) или в глубоководные бухты, удаленные от человеческого жилья и глаза.

Когда мы приехали в Эйль, на рейде стояли три сухогруза, переговоры об условиях освобождения которых шли довольно давно. Мэр поселка Абдиризак Юсуф Мусе (он же - хозяин постоянного двора, в котором мы остановились на ночлег, человек с юмором) на просьбу свести нас с пиратами сказал, что приведет одного. Тот обретался на суше, так как «получил ранение в ногу и временно утратил трудоспособность». Пирата мы ждали долго, но он не пришел.

А утром в море было только два корабля. Третий выкупили, и он уплыл. Деньги между бандитами делил «хромой», получив гонорар в 15 тыс. долларов. Об этом в Эйле говорили все. В поселке, в Пунтленде, да и во всем Сомали секретов ни от кого нет. Да и как иначе, если «сказанное шепотом приходит туда, где собираются люди»?

...В столице Пунтленда - Гароуэ шел «антипиратский» митинг. Сотни две мужчин, женщин и детей слушали горячую речь президента Абдирахмана Мохаммеда Мохамуда «Фароле». Когда митинг закончился, он пригласил нас к себе. Президенту около 50 лет. Родился, учился и работал в Сомали. Возглавил страну в январе 2010 г. Носит традиционную одежду - круглую «шапочку вождя», светлую рубашку навыпуск и длинную набедренную повязку (маавис).

«Пиратство - одна из самых больших проблем», - сказал президент. - Но не только наших. Безопасность - одна на всех, и если угрожают кому-то одному, то угрожают всем. Нас возмущает захват чужих кораблей. Подрывая международное мореплавание, пираты вредят своей стране. В порты Пунтленда больше не заходят суда. Поэтому мы боремся с пиратами изо всех сил. Но сил у нас ма-

ло. Нет ни армии, ни береговой охраны. Боевые корабли многих стран пытаются взять ситуацию под контроль. Но без нас им не справиться. Это одна сторона дела. Есть и другая. Молодежи у нас много, но ее нечем занять. Надо учиться - университетов нет. Надо работать, но негде. Мы рассчитываем на помощь международного сообщества. Недавно мы осудили 60 пиратов. Одним дали два года, другим - пожизненное заключение. Остальных, я уверен, постигнет та же участь».

Одноэтажная тюрьма в городе Босасо (на севере Пунтленда), в которой пираты отбывают наказание, обнесена трехметровой стеной. Вокруг - полоса отчуждения. Метрах в ста - Красное море. Из камер (их пять или шесть) его, конечно, не видно. У камеры только три стены. Вместо четвертой - решетка, обращенная во двор. Температура во дворе - плюс 50 по Цельсию, в камерах - не меньше. Руки у заключенных свободны, на ногах - цепи. Загрели ими, когда, завидев нас, вскочили, чтобы прильнуть к решеткам.

К двум годам приговаривают тех, кого передают властям иностранные моряки. Мягкость наказания объясняется отсутствием доказательств - берут без оружия и «не в деле». Пираты, которых ловят власти Пунтленда (всегда на месте преступления), «мوتاют» пожизненный срок. Но разницы, как мне кажется, никакой нет. Тюрьма Босасо не оставляет шансов выйти на волю ни тем, ни другим.

...Каждый участник 10-й конференции Международной ассоциации сомалийских исследований, состоявшейся в 2007 г. в Огайо (США), кроме обычного набора - папки с программой, блокнотом и писчими принадлежностями, - получил большой постер со сделанным из космоса снимком Сомалийского полуострова. Его очертания похожи на рог африканского буффало и на бивень слона (см. карту). И на бушприт* идущего на abordаж пиратского корабля.

* Бушприт - горизонтальный или наклонный брус круглого сечения, выступающий за форштевень парусного судна (прим. ред.).